

А. Н. ТОКАРЕВ
ХАРЬКОВ

РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР И ГРЕЧЕСКИЙ ГЕРОЙ:
САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕЗАРЯ АВГУСТА
СРЕДИ РИМСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

Лозунг «Мечь за Цезаря», впервые провозглашенный Марком Эмилием Лепидом 16 марта 44 г. до н. э., через день после убийства Гаия Юлия Цезаря (Nic. Dam. Vita Caes. 27), на протяжении многих лет играл важную роль в идеологии императора Августа. В то же время пропаганда понятия *ultio* («мщение») тесно переплеталась с мифом об Оресте.

В период Поздней Республики в аристократической среде было популярным сравнение римских государственных и военных деятелей с героями греческих мифов. Это позволяло создавать позитивные или негативные образы политиков. Ярким примером является ассоциация с «царем царей» Агамемноном Гнея Помпея Магна, чье вызывающее поведение раздражало многих современников, подозревавших полководца в стремлении к «царской власти»¹. Плутарх, описывая настроения в лагере помпеянцев перед битвой при Фарсале, сохранил любопытное свидетельство: «Между тем, пока Помпей таким образом спокойно следовал за врагом, окружающие начали осыпать его упреками, обвиняя в том, что он-де воюет не против Цезаря, а против отечества и сената, чтобы навсегда сохранить свою власть и навсегда превратить тех, что считали себя владыками вселенной, в своих слуг и телохранителей... Домиций Агенобарб, называя Помпея при каждом удобном случае Агамемноном и царем царей, возбудил к нему сильную зависть» (Plut. Rompr. 67, пер. Г. А. Стратановского, ср.: Plut. Comparatio Agesilai et Pompeii. 4; Caes. 41; App. В. С. II. 67; Dio Cass. XLII. 5). Впро-

---

¹ См.: Champlin E. Agamemnon at Rome: Roman dynasts and Greek heroes // Myth, History and Culture in Republican Rome : Studies in Honour of T. P. Wiseman / ed. D. Braund, C. Gill. Exeter, 2003. P. 297–303.

чем, в письмах Цицерона мы находим намеки на то, что сам Помпей за несколько лет до этого стремился представить себя как «нового Агамемнона» (Cic. Att. VII. 3. 5). В 55 г. до н. э. он устроил роскошные игры, которые вызвали среди римской аристократии вполне определенные ассоциации (Cic. Fam. VII. 1. 2). Вернувшись с Востока и узнав о любовной связи своей жены Муции с Юлием Цезарем, он называл их, по свидетельству Светония, не иначе как Клитемнестра и Эгисф (Suet. Div. Iul. 50).

Также можно вспомнить самопрезентацию Марка Антония как Геракла². Род Антониев возводил свое происхождение к знаменитому греческому герою через его сына Антона (RRC. № 494/2a; App. B. C. III. 16. 19; Plut. Ant. 4. 36. 60), а Плутарх отмечал, что самый знаменитый представитель рода даже внешне походил на Геракла и старался подражать ему в одежде: «...отличной формы борода, широкий лоб, нос с горбинкой сообщали Антонию мужественный вид и некоторое сходство с Гераклом, каким его изображают художники и ваятели. Это предание, которому, как уже сказано, придавало убедительность обличие Антония, он старался подкрепить и своею одеждой: всякий раз, как ему предстояло появиться перед большим скоплением народа, он опоясывал тунику у самых бедер, к поясу пристегивал длинный меч и закутывался в тяжелый военный плащ» (Plut. Ant. 4, пер. С. П. Маркиша)³.

Как и в случае с Гнеем Помпеем Магном, противники Марка Антония успешно использовали отрицательные мотивы в мифах о знаменитом греческом герое для дискредитации этого политика. Прежде всего, следует упомянуть мифологический сюжет о пребывании Геракла в рабстве у лидийской царицы Омфалы. На сохранившемся до наших дней рельефном серебряном кубке Марк Антоний изображен в женской одежде

---

² Подробнее см.: *Anderson A. R. Heracles and His Successors: a Study of a Heroic Ideal and the Recurrence of a Heroic Type // Harvard Studies in Classical Philology. 1928. Vol. 39. P. 42–44; Hüttner U. Marcus Antonius und Heracles // Rom und der griechische Osten: Festschrift für H. H. Schmitt zum 65. Geburtstag / hrsg. Ch. Schubert, K. Brodersen, U. Hüttner. Stuttgart, 1995. S. 103–112; Gurval R. A. Actium and Augustus: the Politics and Emotions of Civil War. Ann Arbor, 1995. P. 92–93; Pérez P. I. La familia Antonia descendiente de Antón, hijo de Heracles: la manipulación de un mito // Studia Historica. Historia Antigua. 2009. Vol. 27. P. 177–186.*

³ Сообщение древнего автора подтверждает находка в Помпеях резного кольца с изображением Геракла, которому приданы черты Марка Антония. См.: *Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988. P. 45, fig. 35.*

де, сидящим в колеснице, запряженной связанными кентаврами. Рядом стоят две рабыни с зонтом от солнца и опахалом, всем своим видом намекая на женственность и любовь к роскоши своего хозяина⁴. Антоний призывно смотрит на Клеопатру, которая следует за ним во второй колеснице. Царица одета в шкуру льва, в руках у нее дубина. Об этом же мифе вспоминает в одной из элегий Проперций, иронично намекая на отношения Антония и Клеопатры:

«Если же вас устрашает мой вид и львиная грива,
Волосы, что спалены солнцем Ливийской земли,
Знайте, бывал я одет и в сидонское платье рабыни,
Лидии веретеном свой выполняя урок:
Я волосатую грудь прикрывал себе мягкой повязкой,
С этой же грубой рукой ловкой служанкою был»⁵.

Для Октавиана выбор Ореста в качестве объекта подражания, без сомнения, был чрезвычайно удачным. Т. Хельшер указывает, что эта мифическая модель настолько хорошо подходила этому историческому деятелю, что ее существование следовало бы предположить, даже если бы она не была засвидетельствована в источниках⁶. Мифологический Орест воспринимался как символ мести, а Октавиан на начальном этапе политической карьеры сделал лозунг «месть за Цезаря» основой своей идеологии. Как Орест отомстил за убийство своего отца Агамемнона, так и Октавиан отомстил за Юлия Цезаря. Орест был противником Клитемнестры, жены Агамемнона, а Октавиан – соперником Клеопатры, любовницы Цезаря. Кроме того, Орест являлся врагом Эгисфа, любов-

⁴ См.: *Hekster O. J. Hercules, Omphale, and Octavian's «Counter-Propaganda» // Bulletin Antieke Beschaving. 2004. Vol. 79. P. 159–166; Hüttner U. Marcus Antonius und Heracles. S. 111; Pérez P. I. La familia Antonia descendiente de Antón... P. 183–185, fig. 2; Ritter S. Ercole e Onfale nell'arte romana dell'età tardo-republicana e augustea // Héraclès, les femmes et le féminin : 2-ème rencontre héracléenne. Actes du Colloque de Grenoble, 22–23 octobre 1992 / éd. C. Jourdain, C. Bonnet. Bruxelles ; Rome, 1996. P. 89–102; Schauenburg K. Herakles und Omphale // Rheinisches Museum für Philologie. 1960. Bd. 103. S. 64; Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. P. 57–60, fig. 45.*

⁵ Propert. IV. 9. 45–50; пер. Л. Остроумова. См. также: *Welch T. S. The Elegiac cityscape: Propertius and the Meaning of Roman Monuments. Ohio State University Press, 2005. P. 125–126.*

⁶ *Hölscher T. Augustus and Orestes // Travaux du Centre d'archéologie méditerranéenne de l'Académie Polonaise des sciences. 1990. T. 30. No. 15. P. 164.*

ника Клитемнестры, а Октавиан – противником Антония, любовника Клеопатры. Как и Оресту, Октавиану пришлось бороться за принадлежащее ему по праву наследство. Мифологический герой свершил свою месть по приказанию Аполлона, Октавиан также сражался под покровительством этого бога. Наконец, Орест пролил кровь родичей и нуждался в оправдании. Победа Октавиана над согражданами также являлась осквернением, требовавшим очищения⁷.

Точка зрения Н. Чечиони, согласно которой «темная сторона» мифа об Оресте была использована антицезарианской пропагандой не сразу, а несколько позднее, представляется нам некорректной⁸. Мы полагаем, что в лагере противников Октавиана подобные аналогии получили распространение уже в 40-е гг. I в. до н. э. Впоследствии отталкивающее изображение Октавиана в образе Ореста заимствовал Вергилий. М. Девар справедливо предположил, что в конце первой Георгики римский поэт аллегорически сравнивает приемного сына Юлия Цезаря с героем греческих мифов. По мнению М. Девара, Вергилий считал, что верность Ореста долгу только усугубила его вину и возродила древнее проклятие. Стремление Октавиана отомстить за отца стало продолжением наследственной вины его народа и привело к греховному пролитию римлянами римской крови в битве при Филиппах⁹. То, что сравнение Октавиана и Ореста было хорошо известным риторическим приемом антицезарианской пропаганды, подтверждает отрывок из позднеримского автора Клавдия Клавдиана. Поэт писал о подавлении императором Гонорием (395–423) восстания комита Африки Гильдона. При этом Клавдиан упоминает, что император отомстил мятежнику за многие оскорбления, нанесенные Феодосию, отцу Гонория. Примечательно, что верность императора долгу сравнивается с верностью долгу Ореста и Августа:

«Сих не забыв и гнев справедливый днесь вспоминая,
Тешится карами он, торжествует во мстителе сыне.
Мзду взыскал Орест мечом на Фиестиаде,
Но с благочестием грех смешался, и кара сомненна
Слава взнесла в равновес хвалу с материнскою казнью.

---

⁷ Dewar M. Octavian and Orestes in the Finale of the First Georgic // CQ. 1988. Vol. 38. No. 2. P. 564; Hölscher T. Augustus and Orestes. P. 164; Tilg S. Augustus and Orestes: Two Literary Clues // CQ. 2008. Vol. 58. No. 1. P. 368–369.

⁸ Cecioni N. Octavian and Orestes in Pausanias // CQ. 1993. Vol. 43. No. 2. P. 506.

⁹ Dewar M. Octavian and Orestes Again // CQ. 1990. Vol. 40. No. 2. P. 580–581.

Юлиевы утолил ненавистною кровию маны
Август: но обратил благочестия славу неверну
Родине в скорбь, гражданским свершив кровопролитием тризну.
Здесь же дело отца, нераздельное с общим спасеньем,
Миру свобода отднесь и отцу воздано отмщенье»¹⁰.

Следует отметить, что среди сторонников Юлия Цезаря Орест считался положительным героем. Уже во время погребальных игр в честь погибшего диктатора, с целью вызвать ненависть к его убийцам, они пели отрывки из разных трагедий. Среди них была пьеса Атилия «Электра» (Suet. Div Iul. 84), которая представляла собой перевод на латинский язык одноименного произведения Софокла (Cic. De finibus bon. et mal. I. 5). С. Тильг заметил, что трагедия, сочиненная по знаменитому образцу, была выбрана для этого события не случайно, так как в «Электре» Софокла справедливость мести Ореста не оспаривалась. Убив ненавистных противников, Орест выполнил свой долг, и пьеса завершилась триумфом¹¹.

Скорее всего, уже после битвы при Акции, ознаменовавшей завершение гражданских войн, в образ Августа стали вкладывать новый смысл. Как и Орест, Октавиан сумел остановить кровопролитие. «Новый Орест», лишив жизни убийц Юлия Цезаря, выполнил свой долг, уничтожил скверну гражданских войн, а заодно снял с себя «проклятье» участника братоубийственных раздоров.

Эти идеи воплотились в крупное пропагандистское мероприятие. Гигин сообщает, что «кости Ореста были перенесены из Ариции в Рим и скрыты перед храмом Сатурна, который находился под склоном Капитолия, рядом с храмом Согласия»¹². К. Фиттшен предположил, что это событие следует отнести ко времени после битвы при Акции, когда Луций Мунаций Планк построил новый храм Сатурна, чье убранство должно было напоминать о победе над Марком Антонием¹³. Перенос костей Ореста в Рим из святилища Дианы в Ариции изображен на «рельефе с виллы Медичи». На его заднем плане помещен храм Сатурна, перед ко-

---

¹⁰ Claudian. De Sexto Consulatu Honorii. 111–121; пер. Р. Л. Шмараква. См. также: Dewar M. Octavian and Orestes Again. P. 580–582.

¹¹ Tilg S. Augustus and Orestes: Two Literary Clues. P. 369–370.

¹² Hyginus. Fabul. 261; пер. Д. О. Торшилова. Ср.: Serv. In Ver. Aen. II. 116.

¹³ Fittschen K. Zur Panzerstatue von Cherchel // Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts. 1976. Bd. 91. S. 208–210. Ср.: Champlin E. Agamemnon at Rome. P. 309; Hölscher T. Augustus and Orestes. P. 165.

торым находится погребальная урна сына Агамемнона. На переднем плане изображены Диана и Аполлон, боги-покровители Ореста и Августа¹⁴. Возможно, частью этой церемонии было также переименование статуи Ореста в Аргосе, на родине мифологического героя. Павсаний писал, что рядом с храмом Геры, располагавшемся между Микенами и Аргосом, среди других статуй находилось изображение Ореста. Однако надпись на нем гласила, что это император Август (Pausan. II. 17. 4). Очевидно, что статуя представляла Октавиана как мстителя¹⁵. Ф. Харди предположил, что «Энеида» Вергилия сыграла для эпохи Августа ту же роль, какую имела для Афин V в. до н. э. Орестейя, а С. Тильг указал, что Овидий в «Скорбных элегиях» (Ovid. Trist. II. 395–396) намекал на то, что миф об Оресте был одним из любимых для самого Октавиана¹⁶.

В I в. н. э. изображения Ореста становятся весьма популярными в римском искусстве. Х. Фронинг привела весомые доводы в пользу того, что «рельеф Эгисфа», выполненный в намеренно архаизированном стиле, относится к эпохе Августа¹⁷. В отличие от традиционных изображений Ореста, преследуемого Эриниями, на «рельефе Эгисфа» сын Агамемнона вершит месть над Эгисфом и Клитемнестрой. Несомненно, действия Ореста рассматриваются как справедливые. Место находки рельефа указывает на связь с Октавианом – он был обнаружен в том же районе, что и святилище Дианы, на вилле близ Ариции¹⁸. Х. Фронинг также отнесла к эпохе Августа «рельеф с Орестом», найденный в Не-

---

¹⁴ Simon E. Sterngottheiten auf zwei Augusteischen Panzerstatuen // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 1979. Bd. 5. S. 264 sq. См. также: Fittschen K. Zur Panzerstatue von Cherchel. S. 192, Anm. 76; Hölscher T. Augustus and Orestes. P. 165.

¹⁵ Cecioni N. Octavian and Orestes in Pausanias. P. 506; Hölscher T. Augustus and Orestes. P. 164–165.

¹⁶ Hardie Ph. The Aeneid and the Oresteia // Proceedings of the Virgilian Society. 1991. Vol. 20. P. 29–45; Tilg S. Augustus and Orestes: Two Literary Clues. P. 370.

¹⁷ Froning H. Marmor-Schmuckreliefs mit griechischen Mythen im 1. Jh. v. Chr. Mainz am Rhein, 1981. S. 81–100, Taf. 25. Ср.: Schollmeyer P. «Maecenas führt Augustus die Künste zu». Der Blick der etruskischen Eliten auf Augustus // Augustus, der Blick von außen: die Wahrnehmung des Kaisers in den Provinzen des Reiches und in den Nachbarstaaten : Akten der internationalen Tagung an der Johannes Gutenberg-Universität Mainz vom 12. bis 14. Oktober 2006 / hrsg. D. Kreikenbom. Mainz, 2008. S. 28.

¹⁸ Hölscher T. Augustus and Orestes. P. 165–166.

Токарев А. Н. Римский император и греческий герой...

аполе. Показательно, что на нем Эринии изображены спящими, а Орест с вынутым из ножен мечом¹⁹.

Подводя итоги, отметим, что популярность Ореста была непродолжительной, вскоре его культ угас. Роль мстителя за отца оказалась коротким этапом политической карьеры Августа. В долгосрочной перспективе отождествление Октавиана и Ореста осталось незначительным эпизодом в процессе построения императорского политического мифа.

A. N. TOKAREV

KHARKOV

THE ROMAN EMPEROR AND A GREEK HERO: CAESAR AUGUSTUS
SELF-PRESENTATION AMONG THE ROMAN ARISTOCRACY

The article is dedicated to the problem of self-presentation of the emperor Augustus as Greek hero Orestes. The author analyzes representations about Augustus as Orestes, both supporters of the emperor, and his opponents. The author does attempt chronologically to correlate beginnings and decline of the cult of Orestes to political and ideological actions of the first Roman emperor.

---

¹⁹ *Froning H.* Marmor-Schmuckreliefs mit griechischen Mythen im 1. Jh. v. Chr. S. 72–80; ср.: *Hölscher T.* Augustus and Orestes. P. 166–168.